

THE ART MAGAZINE

ИСКУССТВО

ИЗДАЁТСЯ С 1933 ГОДА

ЛИТОВСКИЙ НОКТЮРН

ISSN 0130-2523
16+
9 770130 252778 >

№ 4 (336) 2015

СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР

ИСКУССТВО

№ 4 (595) 2015

Издатель Аля Тесис

Главный редактор Михаил Лазарев

Заместитель главного редактора Алина Стрельцова

Макет Дарья Яржамбек

Дизайн, вёрстка Ольга Селиванова, Сергей Шмаков

Литературный редактор Пётр Фаворов

Ответственный секретарь Татьяна Курасова

Ассистент редактора Жанна Старицына

Корректор Эльвера Имашева

Автономная некоммерческая организация
«Культурно-просветительский центр «Искусство»

ООО "Издательство "Искусство"

Генеральный директор Евгений Кобзев

При поддержке Министерства культуры Российской Федерации.

Выпуск издания осуществлён при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым
коммуникациям

Poems by Joseph Brodsky © 2011, The Estate
of Joseph Brodsky

© Фонд по управлению наследственным имуществом
Иосифа Бродского

Стихотворения печатаются по: Бродский И. А.
Стихотворения и поэмы: в 2 т./сост. и примеч.
Л. Лосева. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома;
Вита Нова, 2011. — (Новая библиотека поэта)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-54919 от 26 июля 2013 г.

Адрес редакции

Москва, 119072, Красный Октябрь,
Берсенеvская наб., д. 8, стр. 1
тел.: +7 (499) 713-67-40
art@iskusstvo-info.ru

Реклама

тел.: +7 (499) 713-67-40, +7 (916) 773-43-47,
advert@iskusstvo-info.ru

Распространение

тел.: +7 (985) 218-20-11, subscribe@iskusstvo-info.ru

PR и специальные проекты

тел.: +7 (499) 713-67-40, pr@iskusstvo-info.ru
www.iskusstvo-info.ru

Подписные индексы

16359 (на полгода), 10684 (на год) в объединённом
каталоге «Пресса России»; 84202 в каталоге
«Газеты. Журналы» агентства «Роспечать»;
10118 в каталоге «Почта России»

Подписка через агентства

По России: «Урал-Пресс», www.ural-press.ru
Санкт-Петербург: «Прессинформ»,
тел.: +7 (812) 337-16-27, podpiska@cp.spb.ru
По России и зарубежье: «Информнаука»,
тел.: +7 (495) 787-38-73, informnauka@viniti.ru
Поволжье: агентство «Деловая пресса»,
тел.: (8482) 68-09-98, adr@a-d-p.ru
Зарубежье: «МК-Периодика», тел.: +7 (495) 672-70-42,
info@periodicals.ru, www.periodicals.ru

ISSN 0130-2523

Отпечатано в типографии U-Print OÜ, Tallinn, Estonia
Представительство в Санкт-Петербурге:
тел.: +7 (812) 740-54-75
Тираж 3000 экземпляров

© Журнал «Искусство»

При перепечатке материалов и использовании
их в любой форме ссылка на издание обязательна

На обложке:
Юлия Борисова
О мужчинах, парящих
в воздухе
2015
Фотографии, цифровая
печать. Размеры варьируются.
Изображения предоставлены
автором

~ СОДЕРЖАНИЕ ~

~ИОСИФ БРОДСКИЙ. СТИХИ О ЛИТВЕ~	10
В Паланге (Коньяк в графине — цвета янтаря...)	13
Anno Domini.....	16
Элегия.....	21
Литовский дивертисмент	22
Письма римскому другу	29
Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова.....	34
~ЛИТОВСКИЙ НОКТЮРН~	57
Юлия Борисова О МУЖЧИНАХ, ПАРЯЩИХ В ВОЗДУХЕ	58
Владимир Наседкин НАД ХОЛМАМИ ЛИТВЫ...	74
Игорь Олейников ЛИТОВСКИЙ ДИВЕРТИСМЕНТ	86
Наталья Резник, Денис Давыдов ДОМ	94

Иосиф Бродский
(1940—1996)
(стр. 10)

Поэт, драматург, переводчик, преподаватель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1987 года, поэт-лауреат США в 1991—1992 годах, писал на русском и английском языках.

Юлия Борисова
(стр. 58)

Художник, фотограф. Победитель International Fine Art Photography Competition-2013 в категории «Эксперимент», победитель Международного фестиваля художественной фотографии «Балтийская биеннале фотографии. Фотомания» 2013 года в категории «Арт-фотография», участник Noorderlicht International Photofestival 2013 TWENTY.

Денис Давыдов
(стр. 94)

Художник, фотограф, преподаватель фотографии. В настоящее время живёт и работает в Германии, пишет исследовательскую работу в университете Эрланген-Нюрнберг. Работает совместно с Натальей Резник. Их фотографии публиковались в журналах и блогах Conscientious, Le Journal de la Photographie, Feature Shoot, Urbanautica, Fraction Magazine, Digital Photo, Marie Claire, Cosmopolitan и др.

Владимир Наседкин
(стр. 74)

Художник. Живописец, скульптор, графин, фотограф, автор инсталляций и объектов. Почётный член Российской Академии художеств. Работы в коллечениях Третьяковской галереи, ГМИИ им. А. С. Пушкина, Государственного Эрмитажа, Русского музея, Музеев Московского Кремля и др. Лауреат премий международных выставок печатной и станковой графики. Автор цикла гравюр к «Венецианским строфам» Иосифа Бродского.

Игорь Олейников
(стр. 86)

Художник. Работал художником-постановщиком на киностудии «Союзмультфильм». С 1986 года — в иллюстрации, сотрудничает с издательствами Канады, Бельгии, Швейцарии, Греции, Кореи, Тайваня, США, Италии и Японии. Проиллюстрировал более семидесяти книг. Участвовал в международных книжных выставках, в том числе международной биеннале иллюстрации в Братиславе BIB и ежегодной международной книжной выставке в Болонье. Автор иллюстраций к трём книгам детских стихов Иосифа Бродского.

Наталья Резник
(стр. 94)

Художник, фотограф. С 2004 года профессионально занимается фотографией. С 2011 года живёт в Германии и работает над научным исследованием по современной фотографии в университете Эрланген-Нюрнберг. Член Союза фотохудожников России. Работает совместно с Денисом Давыдовым. Их фотографии публиковались в журналах и блогах Conscientious, Le Journal de la Photographie, Feature Shoot, Urbanautica, Fraction Magazine, Digital Photo, Marie Claire, Cosmopolitan и др.

Алина Стрельцова
(стр. 7)

Искусствовед, журналист, кандидат наук по филологии и искусствоведению, автор статей по современному искусству, о новых музейных пространствах. Заместитель главного редактора журнала «Искусство». Куратор выставки «Литовский нонжурн» (Вильнюс, 2015).

Иосиф Бродский впервые приехал в Литву в 1966 году, вымотанный, разбитый, на пределе своих сил, и, неожиданно, нашёл для себя пристанище: воздух, который показался ему более свободным, чем всё, чем он дышал до сих пор; собеседников, понимавших его идеи; барочную и позднеготическую архитектуру, которая руководила его побегом не только в пространстве, но и во времени. В Литве и о Литве он пишет целую серию стихотворений: это, прежде всего, «Литовский ноктюрн» и «Литовский дивертисмент», но также и «Элегия» («Подруга милая, кабак всё тот же...»), и «Коньяк в графине цвета янтаря», и рождественское «Анпо Домине» с мотивами лирики Кавафиса. Даже всем знакомые «Письма римскому другу» — тоже оттуда.

Перемещения во времени, намертво спаянном с пространством, — один из главных ключей ко всей поэтике Бродского. Явлены они и здесь: от ставшей крылатой фразы: «Для русского человека Литва — всегда шаг в верном направлении» до скитаний по временам Витовта и Ягайло, античных реминисценций и движения на Запад, но не реальный географический, а Запад брейгелевских волхвов, бредущих к Звезде по колено в снегу.

8 Заявленная Бродским тема бегства звучит драматично не из-за сегодняшних настроений русской интеллигенции, не из-за политических и общественных событий настоящего времени. Побег от невыносимой действительности — чуть ли не квинтэссенция российского изобразительного искусства XX—XXI веков, от малевичевского «Земля изъедена шашлями — пора улетать!» до всё-таки улетевшего в космос героя Ильи Кабакова и полосы потустороннего света, пробивающегося из-под неплотно затворенной двери, в работах Эрика Булатова. Самые талантливые авторы хорошо понимали, что побег в пространстве всегда обречён на поражение, зато сам воздух — и есть «наше "домой"», этой мыслью венчает свой «Литовский ноктюрн» Иосиф Бродский. Воздух — это пространство звучащего слова, в котором и только в котором существует поэт.

К той же смычке реального пространства и воображённого времени устремляются и авторы нашего проекта. *Игорь Олейников* рисует застывшее время в кафе «Неринга» и растягивает до последних пределов листа берег Балтийского моря в «Паланге». *Юлия Борисова* заново рассказывает историю литовских лётчиков Дарюса

и Гиренаса, решивших не просто преодолеть пространство Атлантического океана на пути домой, но и сразиться со временем, установив новый рекорд скорости. Её фотоистория реализована почти как документация современного перформанса, исполненного полным проны художником, а потому обретает, скорее, счастливый, чем реальный трагический финал. *Наталья Резник* и *Денис Давыдов* при помощи Иосифа Бродского рассказывают собственную историю скитаний и поисков дома, скрещивая её с процессами миграции XX века и актуальными событиями, когда в результате военного конфликта понятие «дом» оказывается утраченным для миллионов людей. Наконец, *Владимир Наседкин* практически перевоплощается в героя Бродского — в призрака, который летит над Вильнюсом и Каунасом, поднимаясь всё выше, в самый космос, вымечтанный российским авангардом, и видит Литву с высоты спутника.

—
Алина Стрельцова, куратор проекта

ИОСИФ БРОДСКИЙ.
СТИХИ О ЛИТВЕ

В ПАЛАНГЕ

Коньяк в графине — цвета янтаря,
что, в общем, для Литвы симптоматично.
Коньяк вас превращает в бунтаря.
Что не практично. Да, но романтично.
Он сильно обрубает якоря
всему, что неподвижно и статично.

Конец сезона. Столики вверх дном.
Ликуют белки, шишками насытятся.
Храпит в буфете русский агроном,
как свыкшийся с распутицею витязь.
Фонтан журчит, и где-то за окном
милуются Юрате и Каститис.

Пустые пляжи чайками живут.
На солнце сохнут пёстрые кабины.
За дюнами транзисторы режут
и кашляют курляндские каминьки.
Каштаны в лужах сморщенных плывут
почти как гальванические мины.

К чему вся метрополия глуха,
то в дюжине провинций переняли.
Поёт апостол рачьего стиха
в своём невразумительном журнале.
И слепок первородного греха
свой образ тиражирует в канале.

Страна, эпоха — плюнь и разотри!
На волнах пляшет пограничный катер.
Когда часы показывают «три»,
слышны, хоть заплыви за дебаркадер,
колокола костёла. А внутри
на муки Сына смотрит Богоматерь.

И если жить той жизнью, где пути
действительно расходятся, где фланги,
бесстыдно обнажаясь до кости,
заводят разговор о бумеранге,
то в мире места лучше не найти
осенней, всеми брошенной Паланги.

Ни русских, ни евреев. Через весь
огромный пляж двухлетний археолог,
ушедший в свою собственную спесь,
бредёт, зажав фаянсовый осколок.
И если сердце разорвётся здесь,
то по-литовски писанный некролог

не превзойдёт наклейки с коробка,
где брякают оставшиеся спички.
И солнце, наподобье колобка,
зайдёт, на удивление синичке
на миг за кучевые облака
для траура, а может, по привычке.

Лишь море будет рокотать, скорбя
безлично — как бывает у артистов.
Паланга будет, кашляя, сопя,
прислушиваться к ветру, что неистов,
и молча пропускать через себя
республиканских велосипедистов.

ANNO DOMINI

М.В.

Провинция справляет Рождество.
Дворец Наместника увит омелой,
и факелы дымятся у крыльца.
В проулках — толчея и озорство.
Весёлый, праздный, грязный, очумелый
народ толпится позади дворца.

Наместник болен. Лёжа на одре,
покрытый шалью, взятой в Альказаре,
где он служил, он размышляет о
жене и о своём секретаре,
внизу гостей приветствующих в зале.
Едва ли он ревнует. Для него

сейчас важней замкнуться в скорлупе
болезней, снов, отсрочки перевода
на службу в Метрополию. Зане
он знает, что для праздника толпе
совсем не обязательна свобода;
по этой же причине и жене

он позволяет изменять. О чём
он думал бы, когда б его не грызли
тоска, припадки? Если бы любил?
Невольно зябко поводя плечом,
он гонит прочь пугающие мысли.
...Веселье в зале умеряет пыл,

но всё же длится. Сильно опьянев,
вожди племён стеклянными глазами
взирают в даль, лишённую врага.
Их зубы, выражавшие их гнев,
как колесо, что сжато тормозами,
застряли на улыбке, и слуга

подкладывает пищу им. Во сне
кричит купец. Звучат обрывки песен.
Жена Наместника с секретарём
выскальзывают в сад. И на стене
орёл имперский, выклевавший печень
Наместника, глядит нетопырём...

И я, писатель, повидавший свет,
пересекавший на осле экватор,
смотрю в окно на спящие холмы
и думаю о сходстве наших бед:
его не хочет видеть Император,
меня — мой сын и Цинтия. И мы,

мы здесь и сгинем. Горькую судьбу
гордыня не возвысит до улики,
что отошли от образа Творца.
Все будут одинаковы в гробу.
Так будем хоть при жизни разнолики!
Зачем куда-то рваться из дворца —

отчизне мы не судьи. Меч суда
погрязнет в нашем собственном позоре:
наследники и власть в чужих руках...
Как хорошо, что не плывут суда!
Как хорошо, что замерзает море!
Как хорошо, что птицы в облаках

субтильны для столь тягостных телес!
Такого не поставишь в укоризну.
Но может быть находится как раз
к их голосам в пропорции наш вес.
Пускай летят поэтому в отчизну.
Пускай орут поэтому за нас.

Отечество... чужие господа
у Цинтии в гостях над колыбелью
склоняются, как новые волхвы.
Младенец дремлет. Теплится звезда,
как уголь под остывшею купелью.
И гости, не коснувшись головы,

нимб заменяют ореолом лжи,
а непорочное зачатъе — сплетней,
фигурой умолчанья об отце...
Дворец пустеет. Гаснут этажи.
Один. Другой. И, наконец, последний.
И только два окна во всём дворце

20
горят: моё, где, к факелу спиной,
смотрю, как диск луны по редколесью
скользит и вижу — Цинтию, снега;
Наместника, который за стеной
всю ночь безмолвно борется с болезнью
и жжёт огонь, чтоб различить врага.

Враг отступает. Жидкий свет зари,
чуть занимаясь на Востоке мира,
вползает в окна, норовя взглянуть
на то, что совершается внутри,
и, натываясь на остатки пира,
колеблется. Но продолжает путь.

1968, Паланга

ЭЛЕГИЯ

М.В.

21
Подруга милая, кабак всё тот же.
Всё та же дрянь красуется на стенах,
всё те же цены. Лучше ли вино?
Не думаю; не лучше и не хуже.
Прогресса нет, и хорошо, что нет.

Пилот почтовой линии, один,
как падший ангел, глушит водку. Скрипки
ещё по старой памяти волнуют
моё воображение. В окне
маячат белые, как девство, крыши,
и колокол гудит. Уже темно.

Зачем лгала ты? И зачем мой слух
уже не отличает лжи от правды,
а требует каких-то новых слов,
неведомых тебе — глухих, чужих,
но быть произнесёнными могущих,
как прежде, только голосом твоим.

1968, Паланга

ЛИТОВСКИЙ ДИВЕРТИСМЕНТ

Томасу Венцлова

1.

Вступление

Вот скромная, приморская страна.
Свой снег, аэропорт и телефоны,
свои евреи. Бурый особняк
диктатора. И статуя певца,
отечество сравнившего с подругой,

в чём проявился пусть не тонкий вкус,
но знанье географии: южане
здесь по субботам ездят к северянам
и, возвращаясь под хмельком пешком,
порой на Запад забредают — тема
для скетча. Расстоянья таковы,
что здесь могли бы жить гермафродиты.

Весенний полдень. Лужи, облака,
бесчисленные ангелы на кровлях
бесчисленных костёлов; человек
становится здесь жертвой толчеи
или деталью местного барокко.

2.

Леиклос*

Родиться бы сто лет назад
и, сохнущей поверх перины
глазеть в окно и видеть сад,
кресты двуглавой Катарины;
стыдиться матери, икать
от наведённого лорнета,
тележку с рухлядью толкать
по жёлтым переулкам гетто;
вздыхать, накрывшись с головой,
о польских барышнях, к примеру;
дождаться Первой мировой
и пасть в Галиции — за Веру,
Царя, Отечество, — а нет,
так пейсы переделать в бачки
и перебраться в Новый Свет,
блюя в Атлантику от качки.

* Улица в Вильнюсе.

3.

Кафе «Неринга»

24

Время уходит в Вильнюсе в дверь кафе,
провожаемо дребезгом блюдец, ножей и вилок,
и пространство, прищурившись, под-шафе,
долго смотрит ему в затылок.

Потерявший изнанку пунцовый круг
замирает поверх черепичных кровель,
и кадык заостряется, точно вдруг
от лица остаётся всего лишь профиль.

И, веления щучьего слыша речь,
подавальщица в кофточке из батиста
перебирает ногами, снятыми с плеч
местного футболиста.

4.

Герб

25

Драконоборческий Егорий,
копьё в горниле аллегорий
утратив, сохранил досель
коня и меч, и повсеместно
в Литве преследует он честно
другим не видимую цель.

Кого он, стиснув меч в ладони,
решил настичь? Предмет погони
скрыт за пределами герба.
Кого? Язычника? Гяура?
Не весь ли мир? Тогда не дура
была у Витовта губа.

5.

Amicum-philosophum de melancholia,
mania et plica polonica*

Бессонница. Часть женщины. Стекло
полно рептилий, рвущихся наружу.
Безумье дня по мозжечку стекло
в затылок, где образовало лужу.
Чуть шевельнись — и ощутит нутро,
как некто в ледяную эту жижу
обмакивает острое перо
и медленно выводит «ненавижу»
по росписи, где каждая крива
извилина. Часть женщины в помаде
в слух запускает длинные слова,
как пятерню в завшивленные пряди.
И ты в потёмках одинок и наг
на простыне, как Зодиака знак.

* «Другу-философу о мании, меланхолии и польском колтуне» (лат.).
Название трактата XVIII века, хранящегося в библиотеке
Вильнюсского университета.

6.

Palangen*

Только море способно взглянуть в лицо
небу; и путник, сидящий в дюнах,
опускает глаза и сосёт вино,
как изгнанник-царь без орудий струнных.

Дом разграблен. Стада у него — свели.
Сына прячет пастух в глубине пещеры.
И теперь перед ним — только край земли,
и ступать по водам не хватит веры.

* Паланга (нем.).

7.

*Dominikanaj**

Сверни с проезжей части в полу-
слепой проулок и, войдя
в костёл, пустой об эту пору,
сядь на скамью и, погодя,
в ушную раковину Бога,
закрытую для шума дня,
шепни всего четыре слога:
— Прости меня.

Вильнюс

1971

* «Доминиканцы» (костёл в Вильнюсе) (от лит. *Dominikanai*).

ПИСЬМА РИМСКОМУ ДРУГУ

ИЗ МАРЦИАЛА

Нынче ветрено и волны с перехлёстом.
Скоро осень, всё изменится в округе.
Смена красок этих трогательней, Постум,
чем наряда перемена у подруги.

Дева тешит до известного предела —
дальше локтя не пойдёшь или колена.
Сколь же радостней прекрасное вне тела:
ни объятье невозможно, ни измена!

Посылаю тебе, Постум, эти книги.
Что в столице? Мягко стелют? Спать не жёстко?
Как там Цезарь? Чем он занят? Всё интриги?
Всё интриги, вероятно, да обжорство.

Я сижу в своём саду, горит светильник.
Ни подруги, ни прислуги, ни знакомых.
Вместо слабых мира этого и сильных —
лишь согласное гуденье насекомых.

Здесь лежит купец из Азии. Толковым
был купцом он — деловит, но незаметен.
Умер быстро: лихорадка. По торговым
он делам сюда приплыл, а не за этим.

Рядом с ним — легионер, под грубым кварцем.
Он в сражениях Империю прославил.
Сколько раз могли убить! а умер старцем.
Даже здесь не существует, Постум, правил.

Пусть и вправду, Постум, курица не птица,
но с куриными мозгамихватишь горя.
Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря.

И от Цезаря далёко, и от вьюги.
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говоришь, что все наместники — ворюги?
Но ворюга мне милей, чем кровопийца.

Этот ливень переждать с тобой, гетера,
я согласен, но давай-ка без торговли:
братъ сестерций с покрывающего тела
всё равно что дранку требовать от кровли.

Протекаю, говоришь? Но где же лужа?
Чтобы лужу оставлял я, не бывало.
Вот найдёшь себе какого-нибудь мужа,
он и будет протекать на покрывало.

Вот и прожили мы больше половины.
Как сказал мне старый раб перед таверной:
«Мы, оглядываясь, видим лишь руины».
Взгляд, конечно, очень варварский, но верный.

Был в горах. Сейчас вожусь с большим букетом.
Разыщу большой кувшин, воды налью им...
Как там в Ливии, мой Постум, — или где там?
Неужели до сих пор ещё воюем?

Помнишь, Постум, у наместника сестрица?
Худощавая, но с полными ногами.
Ты с ней спал ещё... Недавно стала жрица.
Жрица, Постум, и общается с богами.

Приезжай, попьём вина, закусим хлебом.
Или сливами. Расскажешь мне известья.
Постелю тебе в саду под чистым небом
и скажу, как называются созвездья.

Скоро, Постум, друг твой, любящий сложенье,
долг свой давний вычитанию заплатит.
Забери из-под подушки сбереженья,
там немного, но на похороны хватит.

Поезжай на вороной своей кобыле
в дом гетер под городскую нашу стену.
Дай им цену, за которую любили,
чтоб за ту же и оплакивали цену.

Зелень лавра, доходящая до дрожи.
Дверь распахнутая, пыльное оконце.
Стул покинутый, оставленное ложе.
Ткань, впитавшая полуденное солнце.

Понт шумит за чёрной изгородью пиний.
Чьё-то судно с ветром борется у мыса.
На рассохшейся скамейке — Старший Плиний.
Дрозд щебечет в шевелюре кипариса.

1972

ЛИТОВСКИЙ НОКТИУРН: ТОМАСУ ВЕНЦЛОВА

I.

Взбаламутивший море
ветер рвётся, как ругань с расквашенных губ
в глубь холодной державы,
заурядное до-ре-
ми-фа-соль-ля-си-до извлекая из каменных труб.

Не-царевны-не-жабы
припадают к земле,
и сверкает звезды оловянная гривна.

И подобье лица
растекается в чёрном стекле,
как пощёчина ливня.

II.

Здравствуй, Томас. То — мой
призрак, бросивший тело в гостинице где-то
за морями, гребя
против северных туч, поспешает домой,
вырываясь из Нового Света,
и тревожит тебя.

III.

Поздний вечер в Литве.
Из костёлов бредут, хороня запятые
свечек в скобках ладоней. В продрогших дворах
куры роются клювами в жухлой дресве.
Над жнивьём Жемайтии
вьётся снег, как небесных обителей прах.
Из раскрытых дверей
пахнет рыбой. Малец полуголый
и старуха в платке загоняют корову в сарай.
Запоздалый еврей
по брусчатке местечка гремит балаголой,
вожжи рвёт
и кричит залихватски: «Герай!»

IV.

Извини за вторжение.
Сочти появление за
возвращенье цитаты в ряды «Манифеста»:
чуть картавей,
чуть выше октавой от странствий вдали.
Потому — не крестись,
не ломай в кулаке картуза:
сгину прежде, чем грянет с насеста
петушиное «пли».
Извини, что без спросу.
Не пяться от страха в чулан:
то, кордонов за счёт, расширяет свой радиус бренность.
Мстя, как камень колодцу кольцом грязевым,
над балтийской волной
я жужжу, точно тот моноплан —
точно Дариус и Гиренас,
но не так уязвим.

V.

Поздний вечер в Империи,
в нищей провинции.

Вброд

перешедшее Неман еловое войско,
ощетинившись пиками, Ковно в потёмки берёт.

Багровеет извётка

трёхэтажных домов, и булыжник мерцает, как
пойманный лещ.

Вверх взвивается занавес в местном театре.

И выносят на улицу главную вещь,
разделённую на три
без остатка;

сквозняк теребит бахрому
занавески из тюля. Звезда в захолустье
светит ярче: как карта, упавшая в масть.

И впадает во тьму,
по стеклу барабана, руки твоей устье.

Больше некуда впасть.

VI.

В полночь всякая речь
обретает ухватки слепца;
так что даже «отчизна» наощупь — как Леди Годива.

В паутине углов

микрофоны спецслужбы в квартире певца
пишут скрежет матраца и всплески мотива
общей песни без слов.

Здесь панует стыдливость. Листва, норovia
выбрать между своей лицевой стороной и изнанкой,
возмущает фонарь. Отменив рупора,
миру здесь о себе возвещают, на муравья
наступив ненароком, невнятной морзянкой
пульса, скрипом пера.

VII.

Вот откуда твои
щёк мучнистость, безадресность глаза,
шепелявость и волосы цвета спитой,
тусклой чайной струи.

Вот откуда вся жизнь как нетвёрдая честная фраза,
на пути к запятой.

Вот откуда моей,
как её продолжение вверх, оболочки
в твоих стёклах расплывчатость, бунт голытьбы
ивняка и т. п., очертанья морей,
их страниц перевёрнутость в поисках точки,
горизонта, судьбы.

VIII.

Наша письменность, Томас! с моим, за поля
выходящим сказуемым! с хмурым твоим домоседством
подлежащего! Прочный, чернильный союз,
кружева, вензеля,

помесь литеры римской с кириллицей: цели со средством,
как велел Макроус!

Наши оттиски! в смятых сырых простынях —
этих рыхлых извилинах общего мозга! —
в мягкой глине возлюбленных, в детях без нас.

Либо — просто синяк
на скуле мирозданья от взгляда подростка,
от попытки на глаз
расстоянье прикинуть от той ли литовской корчмы
до лица, многооко смотрящего мимо,
как раскосый монгол за земной частокол,
чтоб вложить пальцы в рот — в эту рану Фомы —
и, нащупав язык, на манер серафима
переправить глагол.

IX.

Мы похожи;
мы, в сущности, Томас, одно:
ты, коптящий окно изнутри, я, смотрящий снаружи.

Друг для друга мы суть
обоюдное дно
амальгамовой лужи,
неспособной блеснуть.

Покривись — я отвечу ухмылкой кривой,
отзовусь на зевок немотой, раздирающей полость,
разольюсь в три ручья
от стоваттной слезы над твоей головой.

Мы — взаимный конвой,
проступающий в Касторе Поллуке,
в просторечье — ничья,
пат, подвижная тень,
приводимая в действие жаркой лучиной,
эхо возгласа, сдача с рубля.

Чем сильнее жизнь испорчена, тем
мы в ней неразличимей
ока праздного дня.

X.

Чем питается призрак? Отбросами сна,
отрубями границ, шелухой цифири:
явь всегда наровит сохранить адреса.
Переулок сдвигает фасады, как зубы десна,
желтизну подворотни, как сыр простофили,
пожирает лиса
темноты. Место, времени мстя
за своё постоянство жильцом, постояльцем,
жизнью в нём, отпирает засов, —
и, эпоху спустя,
я тебя застаю в замусоленной пальцем
сверхдержаве лесов
и равнин, хорошо сохраняющей мысли, черты
и особенно позу: в сырой конопляной
многоверстной рубахе, в гудящих стальных бигуди
Мать-Литва засыпает над плёсом,
и ты
припадаешь к её неприкрытой, стеклянной,
поллитровой груди.

XI.

Существуют места,
где ничто не меняется. Это —
заменители памяти, кислый триумф фиксажа.
Там шлагбаум на резкость наводит верста.
Там чем дальше, тем больше в тебе силуэта.
Там с лица сторожа
моложавей. Минувшее смотрит вперед
настороженным глазом подростка в шинели,
и судьба нарушителем пятится прочь
в настоящую старость с плевком на стене,
с ломотой, с бесконечностью в форме панели
либо лестницы. Ночь
и взаправду граница, где, как татарва,
территориям прожитой жизни набегом
угрожает действительность, и наоборот,
где дрова переходят в деревья и снова в дрова,
где что веко не спрячет,
то явь печенегом
как трофей подберёт.

XII.

Полночь. Сойка кричит
человеческим голосом и обвиняет природу
в преступлениях термометра против нуля.
Витовт, бросивший меч и похеривший щит,
погружается в Балтику в поисках броду
к шведам. Впрочем, земля
и сама завершается молотом, погнавшимся за
как по плоским ступенькам, по волнам
убежавшей свободой.
Усилья бобра
по постройке запруды венчает слеза,
расставаясь с проворным
ручейком серебра.

XIII.

Полночь в лиственном крае,
в губернии цвета пальто.

Колокольная клинопись. Облако в виде отреза
на рядно сопредельной державе.

Внизу

пашни, скирды, плато
черепицы, кирпич, колоннада, железо,
плюс обутый в кирзу
человек государства.

Ночной кислород
наводняют помехи, молитва, сообщения
о погоде, известия,
храбрый Кощей
с округлёнными цифрами, гимны, фокстрот,
болеро, запрещенья
безымянных вещей.

XIV.

Призрак бродит по Каунасу. Входит в собор,
выбегает наружу. Плетётся по Лайсвис-аллее.

Входит в «Тюльпе», садится к столу.

Кельнер, глядя в упор,
видит только салфетки, огни бакалеи,

снег, такси на углу;

просто улицу. Бьюсь об заклад,

ты готов позавидовать. Ибо незримость
входит в моду с годами — как тела уступка душе,
как намёк на грядущее, как маскхалат

Рая, как затянувшийся минус.

Ибо все в барыше

от отсутствия, от

бестелесности: горы и доли,

медный маятник, сильно привыкший к часам,

Бог, смотрящий на всё это дело с высот,

зеркала, коридоры,

соглядатай, ты сам.

XV.

Призрак бродит бесцельно по Каунасу. Он
суть твоё прибавление к воздуху мысли
обо мне,
суть пространство в квадрате, а не
энергичная проповедь лучших времён.
Не завидуй. Причисли
привиденье к родне,
к свойствам воздуха — так же, как мелкий петит,
рассыпаемый в сумраке речью картавой,
вроде цокота мух,
неспособный, поди, утолить аппетит
новой Клио, одетой заставой,
но ласкающий слух
обнажённой Урании.
Только она,
Муза точки в пространстве и Муза утраты
очертаний, как скарעד — гроши,
в состояньи сполна
оценить постоянство: как форму расплаты
за движенье — души.

XVI.

Вот откуда пера,
Томас, к буквам привязанность.
Вот чем
объясняться должно тяготенье, не так ли?
Скрепя
сердце, с хриплым «пора!»
отрывая себя от родных заболоченных вотчин,
что скрывать — от тебя!
от страницы, от букв,
от — сказать ли! — любви
звука к смыслу, бесплотности — к массе
и свободы к — прости
и лица не криви —
к рабству, данному в мясе,
во плоти, на кости,
эта вещь воспаряет в чернильный ночной эмпирей
мимо дремлющих в нише
местных ангелов:
выше
их и нетопырей.

XVII.

Муза точки в пространстве! Вещей, различаемых лишь
в телескоп! Вычитанья
без остатка! Нуля!
Ты, кто горлу велишь
избегать причитанья
превышения «ля»
и советуешь сдержанность! Муза, прими
эту арию следствия, петую в ухо причине,
то есть песнь двойнику,
и взгляни на неё и её до-ре-ми
там, в разреженном чине,
у себя наверху
с точки зрения воздуха.
Воздух и есть эпилог
для сетчатки — поскольку он необитаем.
Он суть наше «домой»,
восвояси вернувшийся слог.
Сколько жаброй его ни хватаем,
он успешно латаем
светом взапуски с тьмой.

XVIII.

У всего есть предел:
горизонт — у зрачка, у отчаянья — память,
для роста —
расширение плеч.
Только звук отделяться способен от тел,
вроде призрака, Томас.
Сиротство
звука, Томас, есть речь!
Оттолкнув абажур,
глядя прямо перед собою,
видишь воздух:
анфас
сонмы тех, кто губою
наследил в нём
до нас.

XIX.

В царстве воздуха! В равенстве слога глотку
кислорода! В прозрачных и сбившихся в облак
наших выдохах! В том
мире, где, точно сны к потолку,
к небу льнут наши «о!», где звезда обретает свой облик,
продиктованный ртом!
Вот чем дышит вселенная. Вот
что петух кукарекал,
упреждая гортани великую сушь!
Воздух — вещь языка.
Небосвод —
хор согласных и гласных молекул,
в просторечии — душ.

XX.

Оттого-то он чист.
Нет на свете вещей, безупречней
(кроме смерти самой)
отбеляющих лист.
Чем белее, тем бесчеловечней.
Муза, можно домой?
Восвояси! В тот край,
где бездумный Борей попирает беспечно трофеи
уст. В грамматику без
препинания. В рай
алфавита, трахеи.
В твой безликий ликбез.

XXI.

Над холмами Литвы
что-то вроде мольбы за весь мир
раздаётся в потемках: бубнящий, глухой, невесёлый
звук плывёт над селеньями в сторону Куршской косы.

То Святой Казимир
с Чудотворным Николой
коротают часы
в ожидании зимней зари.
За пределами веры,
из своей стратосферы,
Муза, с ними призри
на певца тех равнин, в рукотворную тьму
погружённых по кровлю,
на певца усмиренных пейзажей.
Обнеси своей стражей
дом и сердце ему.

Вильнюс

1973 (74?)—1983

ЛИТОВСКИЙ НОКТЮРН

Юлия Борисова

О МУЖЧИНАХ, ПАРЯЩИХ В ВОЗДУХЕ

58

Идея создания этой серии у меня родилась после прочтения стихотворения Иосифа Бродского «Литовский ноктюрн», а источником вдохновения послужил вот этот отрывок:

*... над балтийской волной
я жуужу, точно тот моноплан —
точно Дариус и Гиренас,
но не так уязвим.*

Стяпонас Дариус и Стасис Гиренас — два лётчика литовского происхождения, которые в 1933 году пытались установить рекорд дальности полёта. Они вылетели из Нью-Йорка в Каунас на маленьком аэроплане, пересекли Атлантический океан, но недалеко от польского города Мыслибужа, когда до цели оставалось совсем чуть-чуть, самолёт потерпел крушение, и оба пилота погибли. Причины этой катастрофы до сих пор неизвестны.

Хотя отправной точкой для моих размышлений стал текст, мне не хотелось просто его иллюстрировать, и я придумала параллельный мир, который только косвенно соотносится с оригинальным произведением.

Моя история рассказывает о мечте каждого человека — вырваться из тисков всевозможных запретов («кордонов за счёт, расширяет свой радиус брэнность»), улететь в далёкую неизвестность в поисках безграничной свободы и отыскать там свою подлинную родину и настоящий дом.

*Вот откуда вся жизнь как нетвёрдая честная фраза,
на пути к запятой.
Вот откуда моей,
как её продолжение вверх, оболочки
в твоих стёклах расплывчатость, бунт голытьбы
ивняка и т. п., очертанья морей,
их страници перевёрнутость в поисках точки,
горизонта, судьбы.*

А ещё это история об обречённой на заведомый провал попытке человека отыскать дорогу к самому себе — сквозь время и пространство, преодолев невидимую границу между собой и своим зеркальным двойником, смертным Кастором и бессмертным Поллуксом.

*Мы похожи;
мы, в сущности, Томас, одно:
ты, коптящий окно изнутри, я, смотрящий снаружи.*

Сначала я сделала серию псевдодокументальных фотографий, чтобы получить эффект остановленного времени, но потом решила, что нужно увеличить зазор между документальностью и миром воображаемого, — и добавила несколько коллажей и рисунков.

Получившаяся в результате книга сделана в формате лепорелло, который позволяет зрителю выбирать порядок просмотра изображений и находить в этой истории собственный финал.

Юлия Борисова, 2015

59

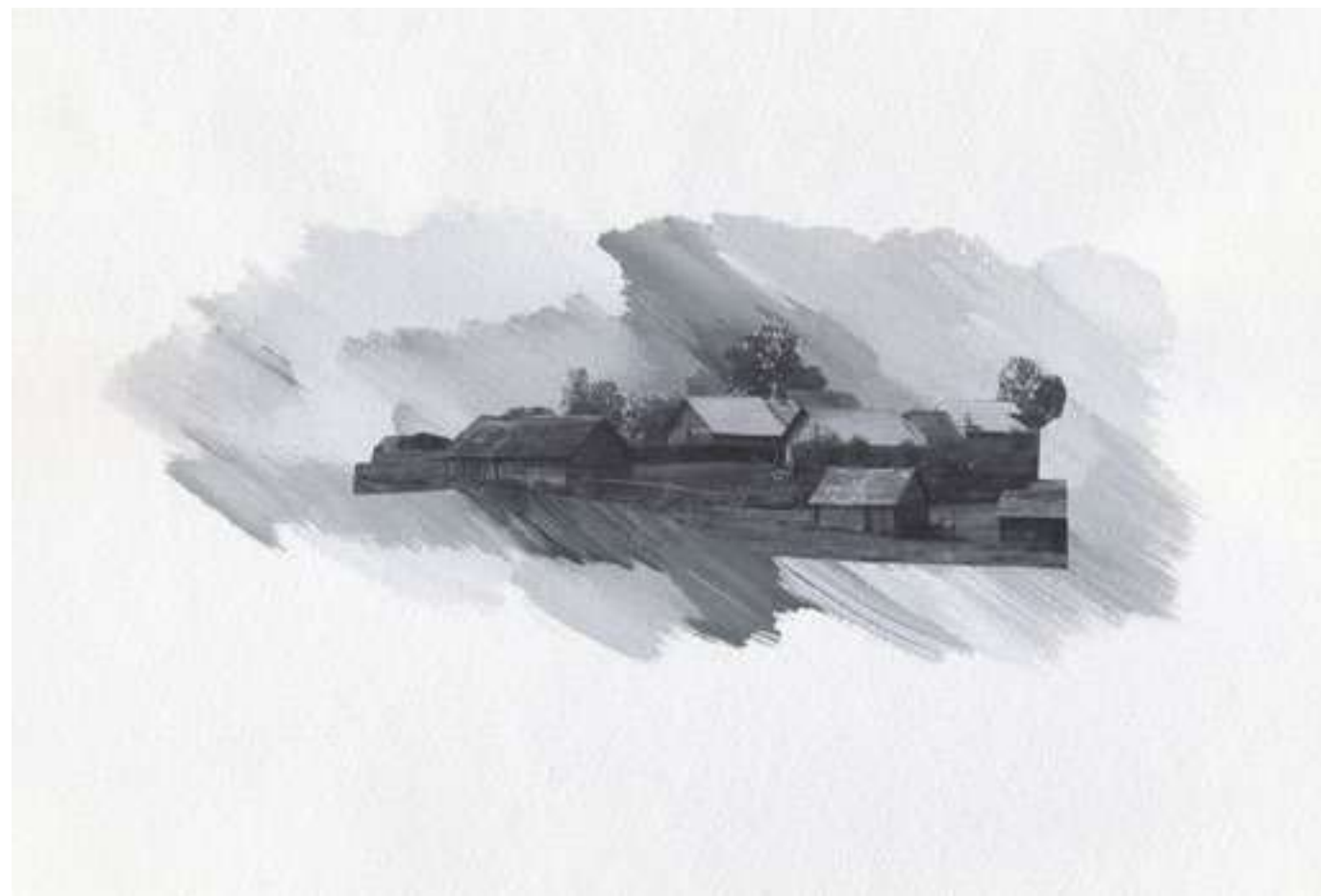

На стр. 60—73
Юлия Борисова
О мужчинах, парящих
в воздухе
2015
Фотографии, цифровая
печать. Размеры варьируются.
Изображения предоставлены
автором

Владимир Наседкин

НАД ХОЛМАМИ ЛИТВЫ...

74

Моя серия не иллюстрирует «Литовский ноктюрн» Иосифа Бродского. При помощи программы Google Earth и спутниковой фотосъёмки я превращаю урбанистическую реальность Вильнюса и Каунаса в экспериментальную лабораторию, где придаю визуальную форму собственным размышлениям о поэзии Мастера. Сохраняя впечатление кадастрового плана или архитектурного чертежа, я отрываюсь от первоисточника и оказываюсь в беспредметной, неопределённой и свободной геометрии чистого искусства. Дух Поэта как бы парит над крышами соборов, дорогами, автостоянками и площадями, расчерченными, как чистые тетради, для новых стихов. И весь город являет нам себя как социокультурный текст, в котором можно прочитать и проблему деспотизма ограниченного пространства, мучившего поэта в стихах рубежа 1960—1970 годов, и его радость от встречи с прекрасной Литвой.

75

Владимир Наседкин, 2015

76

Железнодорожный
вокзал, Вильнюс.
Спутниковая фотосъемка.
Снимок экрана программы
Google Earth

На стр. 77
Владимир Наседин
Железнодорожный
вокзал, Вильнюс
Из серии «Над холмами
Литвы...»
2015
Бумага, уголь, соус, сангина,
75 x 110 см. Изображение
предоставлено автором

77

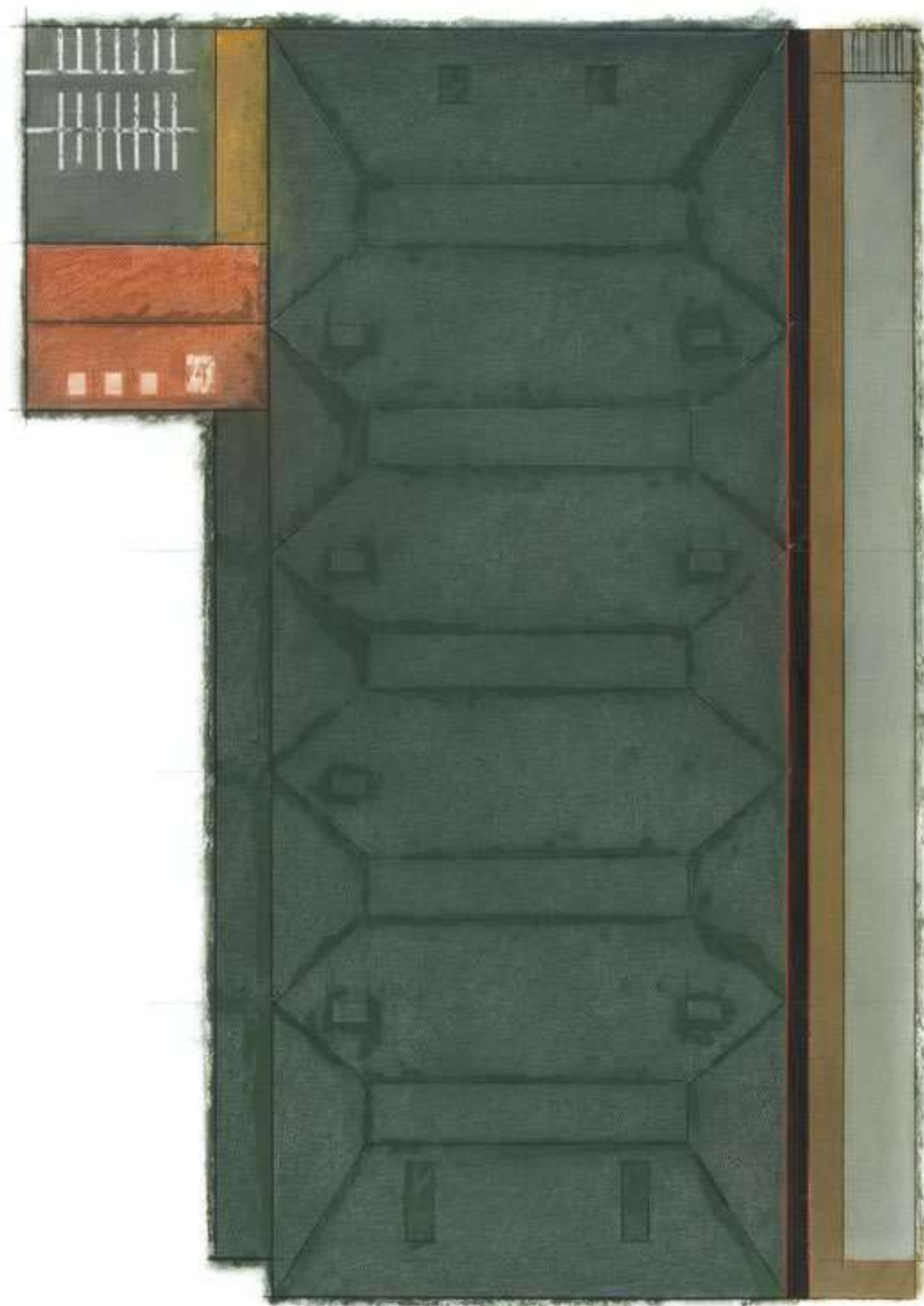
78

Музей прикладного искусства, Вильнюс.
Спутниковая фотосъемка.
Снимок экрана программы
Google Earth

На стр. 79
Владимир Наседин
Музей прикладного искусства, Вильнюс
Из серии «Над холмами Литвы...»
2015
Бумага, уголь, соус, сангина,
75 x 110 см. Изображение
предоставлено автором

79

80

Парновна, Каунас.
Спутниковая фотосъемка.
Снимок экрана программы
Google Earth

На стр. 81
Владимир Наседин
Парновна, Каунас
Из серии «Над холмами
Литвы...»
2015
Бумага, соус, сангина, 75 × 110 см
Изображение предоставлено
автором

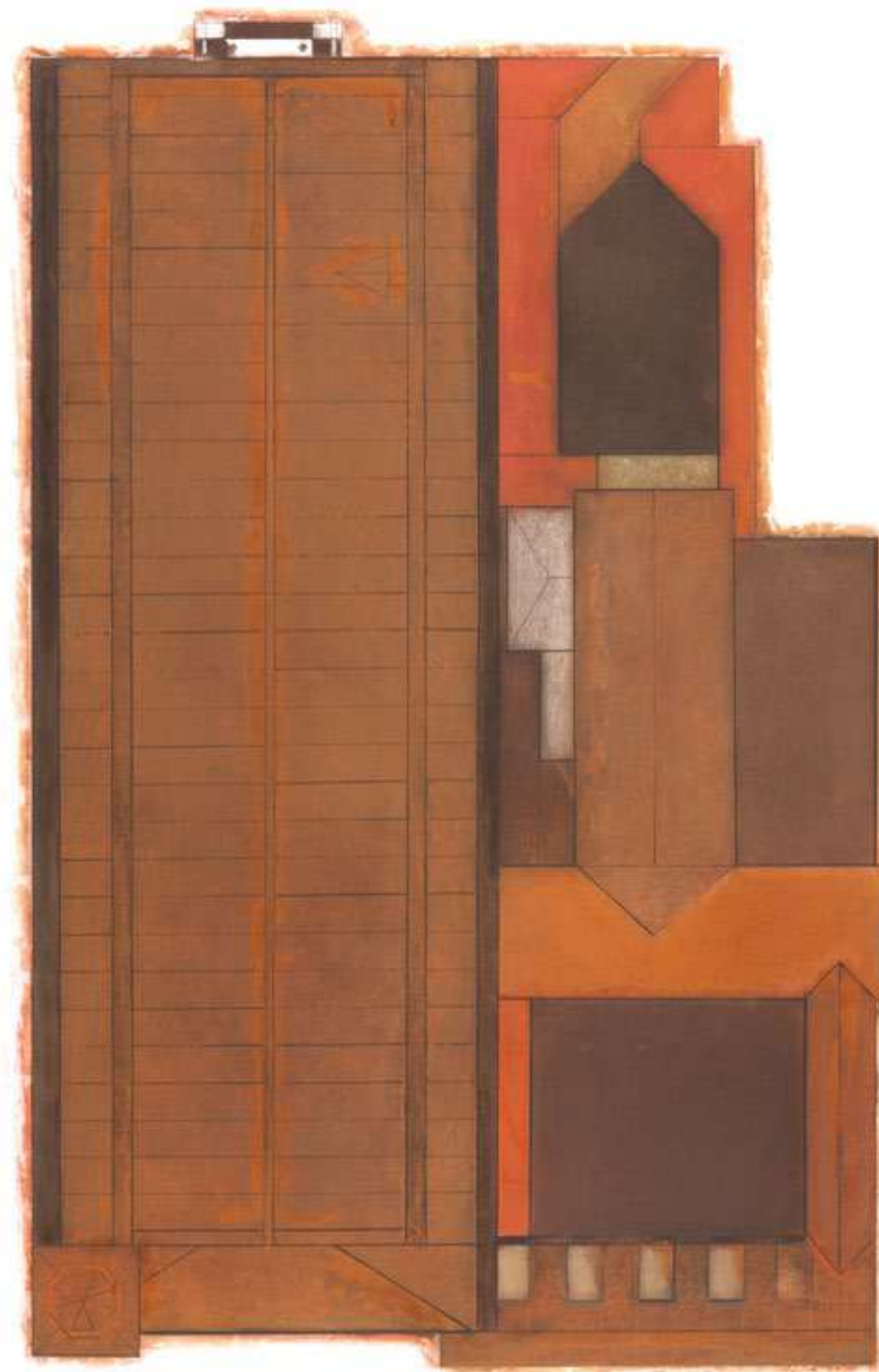
81

Костёл Святой Терезы,
Вильнюс.
Спутниковая фотосъёмка.
Снимок экрана программы
Google Earth

На стр. 83
Владимир Наседин
Костёл Святой Терезы,
Вильнюс. Из серии
«Над холмами Литвы...»
2015
Бумага, сангина, соус, 75 × 110 см
Изображение предоставлено
автором

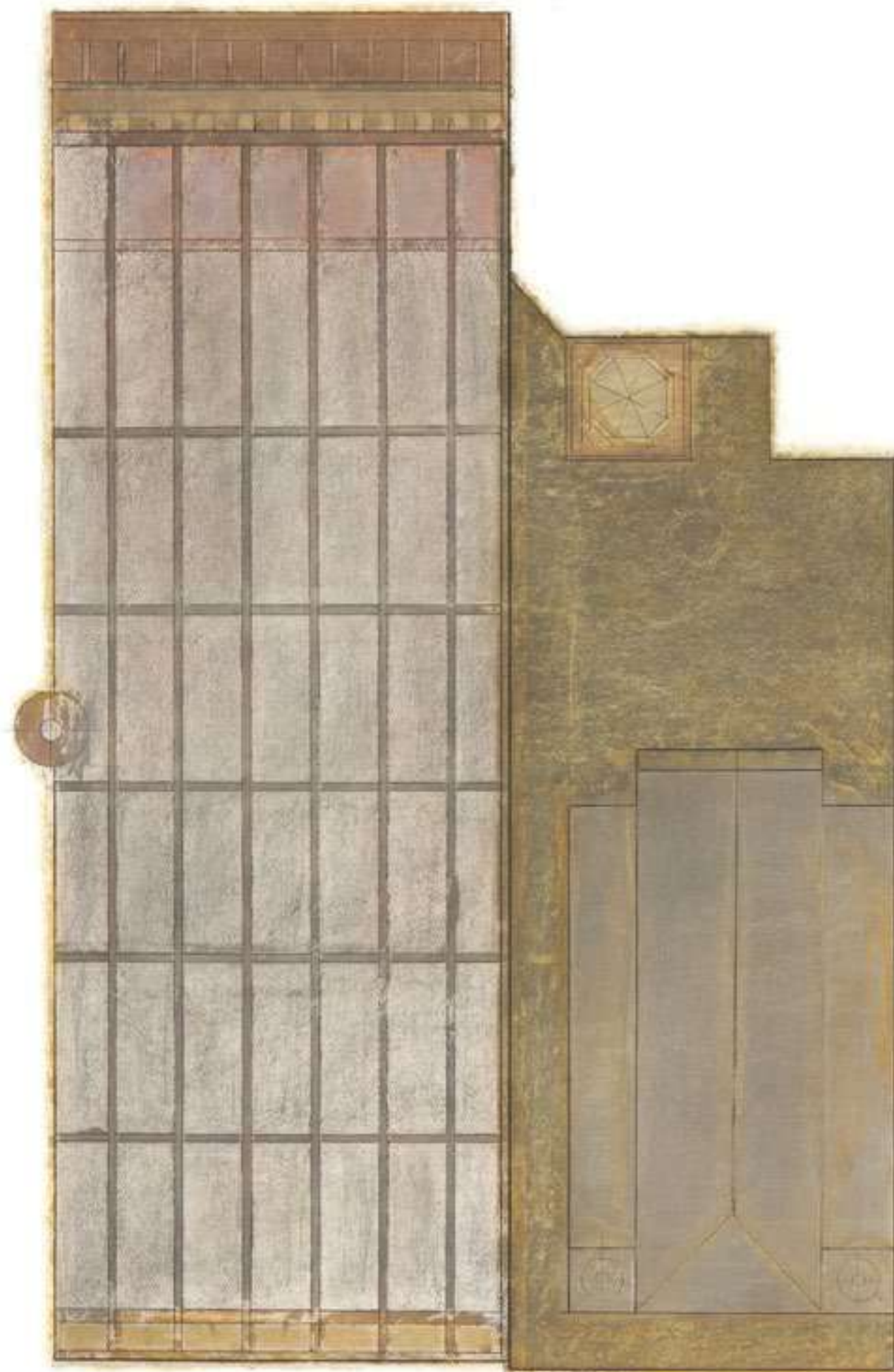
84

Костёл Святых Иоаннов,
Вильнюс.
Спутниковая фотосъёмка.
Снимок экрана программы
Google Earth

На стр. 85
Владимир Наседин
Костёл Святых Иоаннов,
Вильнюс. Из серии
«Над холмами Литвы...»
2015
Бумага, уголь, соус, сангина
75 x 110 см. Изображение
предоставлено автором

85

Игорь Олейников

ЛИТОВСКИЙ ДИВЕРТИСМЕНТ

86

Почему из литовских стихов Бродского вы выбрали именно «Дивертисмент»?

Потому что я иллюстратор, а «Дивертисмент» легче всего поддаётся визуализации. «НоктюРН» гораздо труднее из-за отсутствия в тексте конкретики. Даже мой выбор строк для иллюстрирования обусловлен интересными перипетиями. Например, застывшее время в кафе «Неринга» поддаётся изображению. Наверное, я пошёл по самому лёгкому пути. А вот фотографиям, думаю, проще выстраивать визуальный ряд исходя из собственных ассоциаций. Скорее всего, с «Дивертисментом» им работать было бы сложно, описанные в нём ситуации скрывали бы воображение.

Вы уже работали со стихами Бродского. В чём отличия предыдущего проекта?

Я иллюстрировал «Рабочую азбуку», «Балладу о маленьком буксире» и «Кто открыл Америку» — это детские стихи, там можно отрываться, как хочешь. Работа с детской иллюстрацией даёт абсолютный простор и возможность делать всё, что угодно, ну или почти всё. Разумеется, если не пытаться понравиться ребёнку а поднимать его на свой уровень. Предложить ему пофантазировать вместе с тобой. Отрываться во взрослых иллюстрациях тоже можно, но иначе, в них возможно то, что совершенно недопустимо в детских.

В этих работах практически нет отхождений от текста — вы предельно с ним аккurateны.

Знаете, вот тут немножко была работа на заказчика. Я никогда не имел дела со взрослыми стихами. Думаю, что скованность особенно чувствуется в триптихе «Леиклос». В двух следующих вещах было уже проще. Если бы я продолжил рисовать эту серию, то отходил бы всё дальше и дальше от текста. Берег в «Паланге» сначала нарисовал стандартного размера, потом сделал узким и очень длинным, сейчас бы мне его хотелось продлить

ещё метра на три или вообще по периметру галереи. Хотя, наверное, если бы все на выставке показывали только свои ассоциации — смотреть было бы неинтересно.

Какой вы видите разницу подходов к творчеству в иллюстрации и в, скажем так, актуальном искусстве?

Кажется, большие художники иллюстрацию искусством не считают. Мне это не обидно несколько. Конечно, разница огромна — тут ты работаешь с текстом, хоть минимально, но ты к нему привязан, а там — абсолютный простор. Художник создаёт конечный, так сказать, продукт, а иллюстратор нет. К сожалению, художественный редактор может внести свои изменения, и ты здесь не хозяин.

Неужели коварные издатели виноваты?

Нет, проблема в головах. Некоторые издатели, как те, с которыми я сейчас работаю, говорят: «Рисуй, как хочешь». Легко сказать «как хочешь». Может, и хочешь, а рука сама идёт привычным путём... Нужны большие усилия и желание, чтобы с него свернуть. Знаете, как отличается прибалтийское рисование от нашего? Как небо и земля. Мы воспитаны советской системой, а они хоть полвека и пробыли в ней, но смогли сохранить себя, своё видение, свою школу, своё мышление. В одном из советских журналов, где я работал, был специальный человек, который закрашивал большие носы у моих персонажей. Главный редактор сказал: «Никаких больших носов в советском журнале!» Вот он сидел и закрашивал.

*Игорь Олейников, 2015
Вопросы: Алина Стрельцова*

87

Игорь Олейников
Кафе «Неринга»
2015
Бумага, карандаш, мел
47,5 x 40 см. Изображение
предоставлено автором

Игорь Олейников
Леинкос
2015
Центральная часть триптиха
(28,5 x 55 см). Бумага, карандаш,
мел. Изображение предоставлено
автором

90

Игорь Олейников
Леинлос
2015
Левая часть триптиха
(28,5 × 55 см). Бумага, карандаш,
мел. Изображение предоставлено
автором

91

Игорь Олейников
Леинлос
2015
Правая часть триптиха
(28,5 × 55 см). Бумага, карандаш,
мел. Изображение предоставлено
автором

Игорь Олейников
Palangen
2015
Бумага, карандаш, мел
84,5 × 14,5 см. Изображение
предоставлено автором

Наталья Резник, Денис Давыдов

ДОМ

94

Одним из повторяющихся мотивов в поэзии Бродского является тема эмиграции и поиска дома. Эти темы нам близки — мы прожили три года в одной европейской стране, сейчас уже четыре года живём в другой.

«Дом» — это что-то очень хрупкое, старое, драгоценное, готовое развалиться даже от прикосновения или неосторожного воспоминания. Здесь важен не просто мотив ностальгии как грусти по конкретному дому, родине, а мотив невозможности идеи дома вообще. По сути, невозможность дома, его постоянный бесплодный поиск и желание его обрести — это символ нашего времени, которому присущ нарастающий процесс миграции (даже в свете актуальных событий в Европе, столкнувшейся с «великим переселением народов»). Понятие дома утрачивается как редкий атавизм навсегда. Во время своих скитаний Бродский приходит к тому, что дом поэта находится лишь в поэзии, это *«смысл, охраняемый стражею строк»* (Томас Венцлова).

Форма стихотворения «Литовский ноктюрн» имеет определённый графический силуэт, отсылая к *carmen figuratum* — форме визуальной поэзии, популярной в Средние века. У Бродского не первый раз расположение строк приобретает форму предмета, о котором идёт речь в стихотворении (примерами этого являются стихи «Фонтан» и «Бабочка»). Томас Венцлова замечает, что *«параграфы "Литовского ноктюрна" отдалённо похожи на человеческое тело, видимое en face, — например, отражённое в зеркале (и при этом само обладающее зеркальной симметрией)»*. Отражённое же тело имеет размытый контур и напоминает призрак. *«Призрак его, при жизни покинувший тело, летит над океаном домой. Здесь "дом" ещё означает ту империю, откуда поэт был изгнан»* (Томас Венцлова).

В своей серии мы бы хотели не только отрефлексировать визуальную форму одного из параграфов «Литовского ноктюрна» в расположении и взаимодействии фотографий, но и обратиться к повторяющимся мотивам и образам этого стихотворения Бродского (например, море и окно как визуализация темы границы), пытаясь почувствовать вызывают ли они отклик в нашем непосредственном опыте. В проекте мы используем как свои авторские фотографии, так и старые анонимные снимки, найденные в период наших собственных странствий.

Наталья Резник, Денис Давыдов, 2015

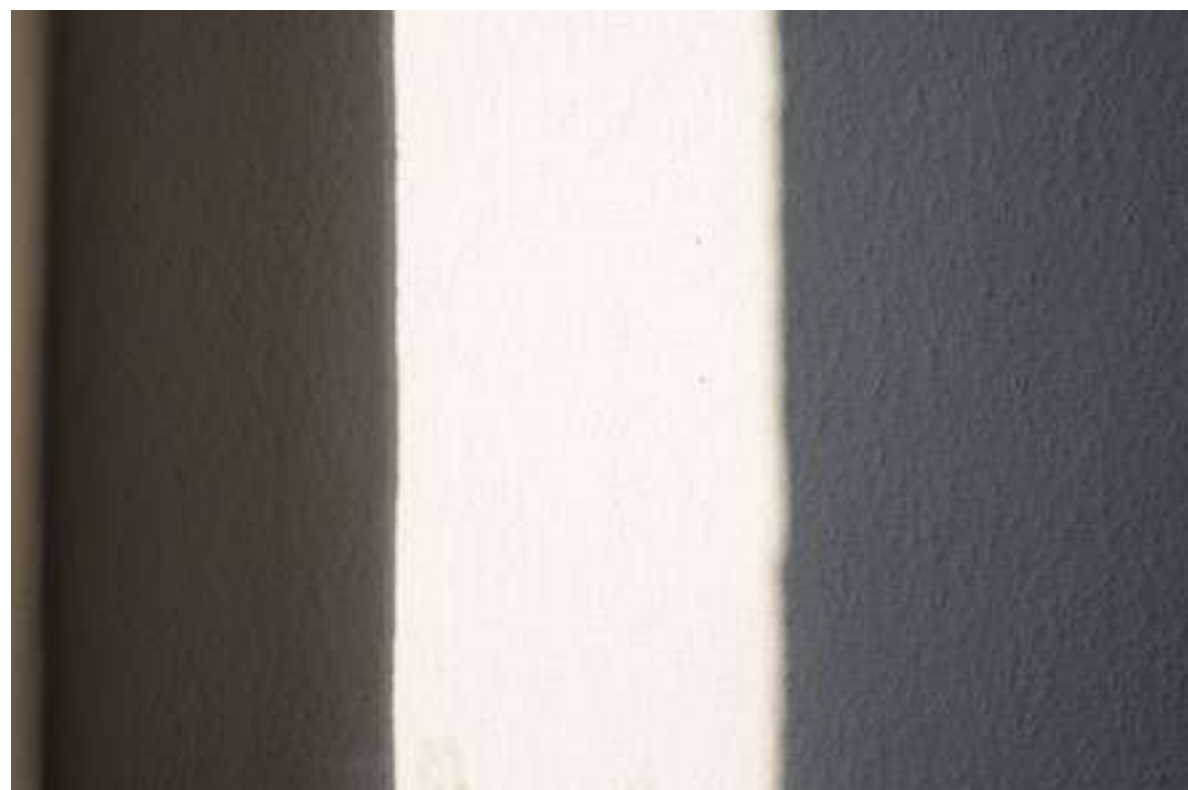
95

102

103

108

109

На стр. 96—111
**Наталья Резник, Денис
Давыдов**
Дом
2015
Цифровая печать, размеры
варьируются. Изображения
предоставлены авторами

IV САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КУЛЬТУРНЫЙ
ФОРУМ

14–16 ДЕКАБРЯ

186 МЕРОПРИЯТИЙ
82 ПЛОЩАДКИ

4 потока

▶ ОФИЦИАЛЬНЫЙ
▶ ДЕЛОВОЙ

▶ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
▶ ОБЩЕСТВЕННЫЙ

Регистрация и программа:
culturalforum.ru

16+

